

УДК 94"653"

**НОГАЙСКАЯ ОРДА В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ РУБЕЖА XV–XVI ВВ.*****М.В. Моисеев****Музейное объединение «Музей Москвы»**119021, Москва, Российская Федерация**E-mail: maks-moisee@yandex.ru*

Статья посвящена исследованию внешней политики Ногайской Орды, ее попыткам включиться в систему международных отношений региона Западного Дешта. Определены основные геополитические интересы Мангытского юрта. Существенным моментом в становлении западнодештской региональной системы международных отношений была борьба с Большой Ордой. Именно она оказалась важнейшим фактором, цементирующим союзы в регионе и обеспечивающим их жизнеспособность. Однако, учитывая, что интересы Ногайской Орды – этого нового игрока – не всегда учитывались, то сохранялась возможность изменений конфигураций коалиций. Такая попытка была предпринята мирзой Мусой в 1493 г., но, натолкнувшись на сопротивление, оказалась безуспешной.

Заметно большую роль в ногайских претензиях сыграла опора на Сибирский юрт. Используя сибирских Чингизидов, ногаи сумели придать легитимный характер своим притязаниям на Казанское ханство. Особенно успешными стали события 1496 г., впрочем, эти же события показали недостаточность ресурсов Ногайской Орды для борьбы с Русским государством и в конце концов привели к ограничению ногайской политики интересами брачной дипломатии. После разгрома Большой Орды в центре геополитики региона ногайско-крымское противостояние и борьба за контроль за волжскими переправами, которые определяли характер международных отношений в Западном Деште. Однако для рубежа XV–XVI столетий крымско-ногайского противостояние ещё не стало глубоким и необратимым. Эта борьба поставила перед ногаями ещё один вопрос: для действенного контроля за волжским правобережьем было необходимо обладать волжскими перевозами, а следовательно и Хаджи-Тарханом. Такая логика событий должна была привести к новой большой войне в Западном Деште, в которой одну из ведущих ролей предстояло бы сыграть Ногайской Орде, но казахское вторжение резко изменило расстановку сил и сменило вектор международных отношений, в которых главную роль стало играть противостояние Русского государства и Крымского ханства. Смерть же хана Касима в 1521 г. и начавшееся изгнание казахов ногаями, вернули Ногайскую Орду в водоворот международных отношений, в котором Мангытский юрт вновь был вынужден искать свое место.

Ключевые слова: Ногайская Орда, региональная система международных отношений, Казанское ханство, Крымское ханство, Большая Орда, Русское государство.

Для цитирования: Моисеев М.В. Ногайская Орда в системе международных отношений рубежа XV–XVI вв. // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4, № 2. С. 369–384.

Возникновение Ногайской Орды на рубеже XV–XVI столетий во многом оказалось связано с теми событиями, которые разворачивались на пространствах Центральной Азии и Восточной Европы. Выделившись из державы Абу-л-Хайра, Мангытский юрт оказался в эпицентре развернувшейся борьбы между Русским государством, Крымским и Казанским ханством, Большой Ордой, Тюменским юртом и др [20]. Для ногаев ситуация осложнялась тем, что как государственное образование они были периферией и для Восточной Европы и для Центральной Азии. Складывалась парадоксальная ситуация при которой периферийное вожество кочевников оказалось в центре региональных потрясений. В этих условиях будущее этого Ногайской Орды в немалой степени оказывалось связанным с тем, какое место для себя выберет ногайская верхушка в сложившейся региональной системе международных отношений. Предметом нашего рассмотрения станет участие Ногайской Орды в системе отношений региона Западного Дешт-и-Кипчака. В это время ведущими игроками в западнодештской региональной системе международных отношений являлись Московское государство, Крымское ханство и Большая Орда. Интересы Большой Орды были весьма амбициозны и простирались от борьбы за «узбекское наследство» в Центральной Азии и до утверждения своего верховенства в западном Деште [21, с. 62–75]. Такие амбиции, естественно натолкнулись на противодействие Москвы и Крымского ханства. В свою очередь московские правители стремились распространить свое влияние на всё Среднее Поволжье, а именно Казанское ханство. Именно в рамках русско-казанских отношений фиксируется процесс вхождения Ногайской Орды в региональную систему международных отношений.

В борьбе претендентов на ханскую власть в Казани ногаи поддерживали Али б. Ибрагима, когда как Московское государство и Крымское ханство – пасынка Менгли Гирея – Мухаммед-Эмина б. Ибрагима¹. Причины поддержки Али ногаями до сих пор остаются не ясными. Дж. Мартин полагает, что в основе этого выбора лежала в их неприязни к потомству Тимура. В.В. Трепавлов считает это маловероятным и настаивает на том, что это делалось в противовес Крымскому юрту и России в их покровительстве детям Нур-Султан [20, с. 135; 24, р. 83–84]. Также обращает на себя внимание факт женитьбы Али на дочери ногайского мирзы Ямгурчи – Каракушь. В 1484 г. Али был смещен с казанского престола, а на его место возведен Мухаммед-Эмин. В 1487 г. при помощи ногайского войска и «по слову с казанцы» Али изгнал брата из Казани. Мухаммед-Эмин бежал в Москву, где и получил от Ивана III помощь. В июле 1487 г. царственный беглец вернулся в Казань, а его соперник вместе с семьей был вывезен в Московское государство [14, с. 20; 17, с. 68; 22, с. 565]. Сторонники Али бежали к ногаям, скорее всего к Ямгурчи. Именно его люди (брат, сын и зять посла Ямгурчи – Тувача, а также и «иные ямгурчьевы люди») поддержали сторонников Али хана в нападениях на земли Мухаммед-Эмина и Ивана III [15, с. 84].

Бесперспективность военного противостояния с Русским государством вызвало необходимость поиска дипломатического решения конфликта. В

¹ Казанский хан Ибрахим б. Махмуд б. Улуг-Мухаммед имел несколько сыновей: Али, Мелик-Тагира, Худай-Кула, Мухаммед-Эмина и Абд ал-Латифа. Двое последних были его детьми от брака на Нур-Султан, дочери большеордынского мангыта, беклербека Тимура б. Мансура б. Эдиге, которая после смерти мужа вышла замуж за Менгли-Гирея.

сентябре 1489 г. муромский наместник князь Федор Хованский сообщил в Москву о прибытии ногайского посольства. В ноябре того же года послы приехали в Москву. Главные вопросы ногайской миссии касались ситуации в Казанском ханстве. Представители ногайской верхушки требовали отпустить Али-хана [15, с. 81–83]. Русская сторона отказалась выполнять ногайские требования сославшись на то, что Али первым нарушил договор и в ответ на участие ногаев в набегах на русские и казанские земли был арестован посол Ямгурчи [15, с. 83–85]. Так же были заморожены переговоры о браке Мухаммед-Эмина и дочери ногайского аристократа Мусы [13, с. 27]. Сужение поля возможностей для ногаев вынудило их вступить в русло русской внешней политики.

В начале августа 1490 г. в Москву приехал посол мирзы Мусы – Семен Богатырь. В грамоте содержалось предложение военного сотрудничества («Кто тебе ратен будет, я рать пошлю, а кто мне ратен будет, и ты ко мне рать пришли»), обмена послами и торговли [12, с. 28]. На словах ногайский посланник конкретизировал позицию своего господина. Мирза хотел с Иваном Васильевичем «в дружбе быти», при этом на рассмотрение великого князя оставался вопрос о статусе отношений: «...сыном или братом себе меня учинишь, как пожалуешь» сообщал его слова С. Богатырь [12, с. 28], что означало, по всей видимости, готовность мирзы Мусы к сотрудничеству даже не на паритетных началах. Следующим вопросом устных переговоров стала судьба «казанского» брака. В этом вопросе ногай так же был заранее согласен с решением великого князя: «...велишь ты моему государю (Мусе – *М.М.*) свою дочь дати за Магмет-Аминя царя, и он даст, а не велишь дати и он не даст» [12, с. 28–29]. В ходе переговоров, которые вел великокняжеский дьяк Одинец были конкретизированы цели предлагаемого военного союза, который был направлен против сыновей большеордынского хана Ахмеда – Муртозу, Сеид-Ахмеда и их «братью» [12, с. 29].

Все предложения Мусы были приняты. В вопросе же о казанском браке Иван Васильевич соглашался на женитьбу Мухаммед-Эмина на дочери Мусы и подчеркивал необходимость союза мирзы Мусы с новым казанским ханом [12, с. 29–30]. Успешная миссия С. Богатыря активизировала русско-ногайские отношения. 23 октября 1490 г. в Москву прибыло представительное ногайское посольство, в которое входили послы от нового хана Абелек Еменека, Мусы, Ямгурчи, его жены и Алача б. Ямгурчи. Ямгурчи принимал план союза, разработанный в Москве. Он сообщал, что Али-гази, на выдаче которого настаивало великокняжеское правительство в 1489 г., откочевал с Ибаком в Тюмень. Он подчеркнул, что казанских противников Мухаммед-Эмина у него нет. В целом, Ямгурчи обязывался Мухаммед-Эмину и Казани «лиха не мыслити» и поступать по слову Ивана III. В его верительной грамоте содержалась клаузула военно-политического союза [12, с. 34–35]. Так, в течение 1490 г. Ногайская Орда включилась в сложившуюся систему отношений, войдя в антиордынскую коалицию Русского государства и Крымского ханства. Это укрепило положение Москвы в Среднем Поволжье и ухудшило перспективы Большой Орды. Вместе с тем необходимо отметить всю зыбкость системы международных отношений в этом регионе. Во-первых, в Ногайской Орде не было единой позиции по отношению к переменам в Казани. Ямгурчи был связан с прежним ханом, с новым ханом такой связи не было, и она не предполагалась. По брач-

ным переговорам дочь мирзы Мусы должна была стать женой Мухаммед-Эмина, а сыну Ямгурчи Алачу предлагалось жениться на его сестре. Хотя Ямгурчи сообщал, что Али-гази скрылся в Тюмени, но Д.В. Овца-Ховрин отмечал наличие в орде других противников нового правления в Казанском ханстве. В связи с этим представляется, что согласие ногаев на русские требования являлось не более чем тактическим маневром. Во-вторых, отчетливо заметно стремление Ямгурчи замирился с Казанью, но по отношению к Москве подобных шагов нет. Можно предположить, что союз с Московским государством в 1490 г. диктовался в первую очередь сложившейся конъюнктурой. Необходимость разрешить свои отношения с Казанским ханством привела ногаев к союзу с Русским государством, но долговременным он вряд ли мог быть, что и стало ясно чуть позднее.

Борьба с Большой Ордой сохраняла свою актуальность для московско-крымского союза и после гибели Ахмед-хана в 1482 году. С середины 1480-х гг. ордынцы консолидировались и стали представлять серьезную угрозу для Крымского ханства [3, с. 178, 185–190]. В 1487 г. в ответ на просьбу помощи Менгли Гирея Иван III отправил в степь касимовского царя Нур-Даулета с войском, но поход оказался безрезультатным [30, с. 190]. Весной 1490 г. военные действия продолжились, но так же безрезультатно. В противоборство Крымского ханства и Большой Орды вмешался турецкий султан Баязид, выступивший посредником между ними желая примирить эти государства. В результате ордынцы заключили мир, но после того как Менгли-Гирей распустил улусы, Сеид-Ахмед и Шейх-Ахмед ворвались в Крым и разорили кочевья Барынов [3, с. 190–191; 6, с. 51–52]. Зимой 1490–91 гг. Орду охватил голод. К весне 1491 г. на Ахмедовичей готовился большой поход. К Менгли-Гирею пришла помощь из Турции, в мае 1491 г. стало известно, что Муртоза хочет заручиться поддержкой у ногаев. Из Азова шли вести, что ногаи переправляются через Волгу и идут на Орду [3, с. 191, 192; 14, с. 113, 114]. В октябре 1491 г. в Москве стало известно, что мирза Муса «сее осени» планирует напасть на Орду, если будут «промежь себя мирны» [14, с. 119], то есть в 1491 г. ногаи приступили к выполнению договоренностей 1490 г. направленных против Большой Орды. В это время она переживала очевидный политический и экономический кризис. Известно, что в 1491 г. кочевья ахмадовичей поразил голод [3, с. 155]. Между «Ахмедовыми детьми» шла борьба за власть, что усилило «значительные центробежные силы внутри Большой Орды» [3, с. 152]. Однако и в самой Ногайской Орде к осени 1491 г. обострились противоречия, которые угрожали разразиться открытым конфликтом. Летом 1491 г. (в Москве это стало известно осенью того же года) в Ногайской Орде началась борьба между знатью, но до поры до времени она не принимала открытого характера.

Зимой 1491–1492 гг. стали очевидны противоборствующие группы и их интересы. Против мирзы Мусы выступали Аббас и Ямгурчи. Они желали избрать на ногайский престол сибирского хана Ибака. В московско-ногайских отношениях конца XV в. он выступал последовательным сторонником ханствования в Казани Али б. Ибрахима [15, с. 81; 20, с. 103, 105, 115]. Очевидно, что движение Аббаса и Ямгурчи было враждебно Мусе, возвращение же Ибака угрожало тем успехам, которых он добился и которые во многом зависели от стабилизации положения Мухаммед-Эмина б. Ибрахима

в Казани. Дальнейший ход событий не известен, но в 1493 г. в Москве стало известно от своего посла в Крыму К. Заболоцкого, что мирза Муса выдал свою дочь за хана Большой Орды Шейх-Ахмеда, которого «...князи..., с Орды сбили, что женился у Мусы» [14, с. 180]. Подобный политический маневр со стороны мирзы Мусы политика, вероятно, довольно осторожного, [1, с. 168] на первый взгляд трудно объясним. Однако, при рассмотрении расстановки сил в Ногайской Орде того времени видно, что его поступок был вынужденным в ходе противостояния с Ямгурчи и Аббасом. По наблюдениям В.В. Трепаилова, статус Аббаса имел очевидный «племенной» оттенок, тогда как положение мирзы Мусы имело «смысл только при правящем хане» [20, с. 117]. В условиях, когда Аббас и Ямгурчи были сторонниками Ибака, то его положение подвергалось угрозе. Необходимо отметить, что на политическом пространстве Дешт-и-Кыпчак преимущественное право на занятие ханского престола было закреплено за Чингизидами [7, с. 195]. Это обстоятельство диктовало для потомков Эдиге необходимость избрания на трон потомков Чингиз-хана. Это правило неукоснительно соблюдалось мангытами (мангытами) на всем протяжении 2-ой половины XV века. Во время борьбы за узбекское наследство ханами были Ядгар б. Тимур-Шейх, затем его сменил Ибак б. Махмудек. В 1490 г. его сменил выдвигенец Мусы Аминек б. Ядгар [20, с. 116]. Нам известно, что на рубеже 1491–1492 гг. ряд ногайских аристократов выступил за призвание на ханство Ибака. Таким образом, положение мирзы Мусы подверглось угрозе, и для его сохранения ему было необходимо срочно найти замену Аминеку. Такой заменой, по всей видимости, и должен был стать Шейх-Ахмед. В.В. Трепаилов обращает внимание на факт настойчивых поисков Мусой Чингизидов [20, с. 117]. Очевидно, что сближение с ахмедовичем не вписывалось во все предыдущие договоренности, инициатором которых со стороны ногаев как раз выступал мирза Муса. Чем же тогда объяснить этот шаг? Возможно, для него не осталось вариантов. Ибак, как лидер сибирских Шибанидов, скорее всего не позволил бы никому из своей многочисленной родни занять «ногайский трон». Возможность избрания ханом кого-нибудь из крымских Гиреев представляется маловероятной. Потомство казанского хана Ибрахима полностью находилось в Москве, кроме Мухаммед-Эмина, правившего в Казани. Таким образом, оставались только потомки хана Большой Орды – Ахмеда. Переговоры о браке видимо шли в обстановке секретности. В пользу такого предположения говорит то, что «князи» свергли Шейх-Ахмеда за уже свершившийся брак. Среди этих «князей» несомненно, были представители наиболее влиятельного рода в Большой Орде мангытов [20, с. 119]. По мнению А.П. Григорьева инициатором переворота стал Хаджике (Хаджи-Ахмед) б. Дин-Суфи б. Мансур б. Эдиге [4, с. 178]. Мангыты Большой и Ногайской Орд враждовали друг с другом, что запечатлено и в эпосе. С 1490 г. ногаи активно участвовали в борьбе с Большой Ордой [16, с. 51; 19, с. 119–125, 126–129]. Таким образом, брак, на который, возможно, Муса возлагал свои надежды, не оправдал себя.

В результате мирза Муса потерял власть и откочевал в «Туркмен». В.В. Трепаилов склонен относить это событие к 1491/92 г. По его предположению, Ибак и Ямгурчи собирались в поход на Казань, и мирза Муса по возвращению в орду остановил его [20, с. 117–118]. Логика исследователя понятна: зимой 1491/92 г. Ибака призывали в Ногайскую Орду, в 1493/94 г. он

прислал грамоту Ивану III из которой видно, что он находился на Волге [12, с. 49]. Однако известно, что в начале 1493 г. Муса и Ямгурчи совершили поход на Астрахань, желая учинить Ибака и его брата Мамука на престоле Большой Орды. Поход не имел успеха, после чего Ибак вернулся в Тюмень [6, с. 48–49; 8, с. 100; 20, с. 118]. Походов на Казань или даже слухов на них в 1493 г. ни один из известных нам источников не фиксируют. Зато в разрядных книгах и летописях есть данные о походе Мамука на Казань, но он имел место в 1496 г. В это время Ибака уже не было в живых. Он погиб в 1495 г. в борьбе с местной сибирской знатью Тайбугидами. Тогда остается вопрос, поход кого именно останавливал мирза Муса: Ибака или Мамука. Очевидно, что в 1493 г. интересы Мусы, как впрочем, и всех ногаев были довольно далеки от Среднего Поволжья. Голод, неудачи во внешней политике должны были предостеречь от непродуманных шагов. Тем более показательно исчезновение мирзы Мусы из источников вплоть до марта 1497 г., когда он прислал грамоту в Москву [12, с. 49–50]. Нам представляется, что откочевка Мусы в «Туркмен» произошла не ранее 1493 г. и на Яик он вернулся не раньше мая 1496 г. Возвращение его к активной политической деятельности было связано с провалом политики Ямгурчи, что будет показано ниже.

В 1495 г. в результате внутренней борьбы в Сибирском ханстве Ибак был убит, к власти пришёл местный род Тайбугидов [8, с. 101; 19, с. 182]. Родня (очевидно не вся) погибшего хана бежала в Ногайскую Орду. Мы можем приблизительно реконструировать состав беглецов-чингизидов, нашедших приют в Сарайчуке. Во-первых, это Мамук, брат погибшего и бывший его беклярбеком в 1480-х гг/, затем Агалак, Ак-Курд, Ак Даулет б. Ак-Курд и возможно ряд других [3, с. 63]. Такое количество чингизидов сосредоточенных в одних руках и находящихся в сильной зависимости от мангытских аристократов должно было привести к дестабилизации в регионе.

В мае 1496 г. казанский хан Мухаммед-Эмин сообщил в Москву, что на Казань идет Мамук. В Казани, по сообщению хана, была группа заговорщиков, возглавляемая Кель-Ахмедом В ответ было послано русское войско под командованием князя С.И. Ряполовского. Этому известия хватило, что бы вся верхушка заговора бежала к Мамуку. Последний то же не стал геройствовать и «возвратился восвояси». В сентябре 1496 г. Мамуку удалось взять Казань. Мухаммед-Эмин бежал в Москву, где ему в связи со шведской войной обещали помощь только в следующем году [3, с. 351]. Впрочем, русского вмешательства на этот раз не потребовалось. Политика Мамука вызвала резкое негодование казанского нобилитета. Против него выступили даже те, кто его привел к власти. Кель-Ахмеда арестовали на недолгий срок. В летописях содержится информация, что Мамук грабил население. М.Г. Худяков полагал, что это была система чрезвычайных налогов [22, с. 570]. Через некоторое время новый хан устроил поход на Арск, город, входивший в Казанское ханство. Суть конфликта Мамука с арскими беками не известна, но поход на Арск дал возможность его противникам провести контрмеры. Казанцы заперлись, и Мамука не пустили. Мятежники отправили послов в Москву с просьбой дать им хана. Незадачливый хан был вынужден вернуться в степь, где и умер [10, с. 243].

События 1496 г. неоднократно изучавшиеся в историографии однозначно свидетельствуют о качественных изменениях в политике Ногайской Орды.

При Ямгурчи орда пошла на пересмотр в регионе сложившейся системы международных отношений. Однако эта политика не опиралась ни на внутреннюю консолидацию в Ногайской Орде, ни на изменения международной конъюнктуры, поэтому и не имела большого успеха. Мирза Муса, вернувшийся из дальней откочевки, послал в погоню за Ямгурчи и Мамуком своего сына с 2000 человек, повелев ему «дом пограбители» [12, с. 49–50]. Само властвование Мамука в Казани оказалось кратким и на престоле его сменил новый московский ставленник – Абд ал-Летиф б. Ибрахим [10, с. 235]. Таким образом, московское влияние в регионе было восстановлено.

Перемена власти в Казанском ханстве вызвала резкое недовольство в Ногайской Орде. В 1499 г на Казань шел Агалак. Его сопровождал казанец Урак, принимавший участие в возведении на трон его брата Мамука. Известие о русской помощи Абд ал-Летифу вынудило их отступить. Участие ногаев в этом походе не упоминается ни в одном из известных источников, но исходя из положения Агалака оно более чем вероятно. Агалак как и Мамук нашел приют у ногаев после переворота 1495 г. в Сибирском ханстве. Иных источников военной силы у него не было. Крымское ханство было удовлетворенно тем, что ханом в Казани сидел пасынок Менгли Гирея – Абд ал-Летиф. Для ногаев его кандидатура, вряд ли была приемлема. С переменой ханов Муса оказался в том же положении, что и Ямгурчи в 1487 г., когда русские, сместив хана Али, вывезли всю его семью в Москву. Возможно, в походе Агалака принимали и его родственники, а именно – его племянник Ак-Курд. В 1500 г. ногайские войска под руководством Мусы и Ямгурчи осадили Казань. Целью этого похода, несомненно, являлось смещение Абд ал-Летифа. Как справедливо заметил В.В. Трепавлов, ногайской кандидатурой был Агалак б. Махмудек. Однако необходимо отметить, что в это время произошло сближение мирзы Мусы с ханом Большой Орды Шейх-Ахмеда. Хан сообщал об улучшении своих отношений с ногаями великому князю литовскому Александру Казимировичу. Последний, в условиях надвигающейся русско-литовской войны, постарался склонить кочевников к антимосковскому союзу, воздействуя на них как через Шейх-Ахмеда, так и через своего посланника [20, с. 129–130]. Впрочем, явился ли поход Мусы и Ямгурчи реакцией на предложение Вильно из-за отсутствия информации в источниках до сих пор остается загадкой. Оборона Казани русским отрядом и самими казанцами сорвала планы ногайских аристократов. Оборона Казани русским отрядом и самими казанцами сорвала планы ногайских аристократов и, после трехнедельной осады они вернулись в орду [2, с. 49; 20, с. 137].

Провал военной линии внешней политики ногаев вынудил их вернуться к дипломатическим переговорам. 18 ноября 1501 г. в Москву прибыло посольство от мирзы Мусы, Ямгурчи, Салтан Ахмед-мирзы и других мирз и княгинь [12, с. 52]. Переговоры в Москве в ноябре 1501 г. привели к первому в истории русско-ногайских отношений шертванью. К результатам этих переговоров можно отнести и последовавшее в январе 1502 г. смещение с казанского престола Абд ал-Летифа и заключение его в Белоозеро [10, с. 255]. Московские власти объясняли свое решение крымскому хану Менгли-Гирею тем, что он «начал лгати и ни в какие делах не учал правды чинити, да и земле казанской учал лих быти» [15, с. 461]. Однако это не чем не подкрепляется. Возможно, Абд ал-Летиф просто оказался не удобной фигурой и для Москвы, и

для Ногайской Орды (о позиции казанской знати сказать сложно из-за полного молчания источников). М.Г. Худяков полагал, что причиной смещения Абд ал-Летифа стало нарушение им шертных обязательств данных Ивану III [22, с. 573 Исследователь глухо упоминал о роли казанской знати в смещении хана и связывал его с позицией Кель-Ахмеда [22, с. 572–573]. Ивана III могла насторожить та активность хана, какую он проявил при защите Казани в 1500 г. от ногаев [10, с. 253]. Ногайскую знать Абд ал-Летиф не устраивал тем, что не был связан ни с одним из мирз брачными отношениями. В результате с января 1502 г. в Казани вновь стал ханом Мухаммед-Эмин связанный уже брачными узами и с Мусой (Фатима) и Ямгурчи (Каракушь), тем самым в казанско-ногайских отношениях наступил покой, а Иван III мог надеяться, что положение его вассала наконец-то стабилизировалось. В целом, переговоры 1501 г. привели к созданию в Западном Дешт-и-Кыпчак новой системы отношений. Отличительной чертой последней стал выработан баланс интересов всех основных региональных игроков. Однако, данная система могла сохранить свою жизнеспособность только при наличии общей цели.

В 1502 г. Большая Орда Большая Орда сошла с политической сцены [подробнее: 5, с. 31–52; 21], больше смысла сохранять хрупкое равновесие не было. Прежние союзники начали вести новую игру. Ногайская Орда, возглавляемая в это время Ямгурчи, активизировала свою политику в Среднем Поволжье. Ещё в 1504 г. послы Ямгурчи и его жены заверяли Ивана III в своих союзнических устремлениях, особенно выделяя дружественную роль своей дочери Каракуш, супруги казанского хана Мухаммед-Эмина [12, с. 52–53]. В 1505 г. в Казани произошел очередной переворот. вышел из-под контроля России. 24 июня 1505 г. Мухаммед-Эмин «поимал» посла Ивана III Михаила Клепика, русские купцы частью были арестованы, частью перебиты, а частью ограблены и сосланы к ногаям [11, с. 259]. С большой долей вероятности можно утверждать, что в этом перевороте самое активное участие приняли ногаи. По версии автора «Казанской истории» ведущая роль в измене Мухаммед-Эмина Великому князю Московскому принадлежала его жене Каракушь [6а, с. 280]. В начавшейся русско-казанской войне ногаи приняли участие [11, с. 259; 3, с. 480], впрочем, позже они устранились от дальнейшей эскалации конфликта и даже предлагали себя Василию III в роли посредников в мирном урегулировании [12, с. 57]. Итак, в начале XVI в. Ногайская Орда перешла к активной борьбе с Московским государством за влияние на Казанское ханство. Впрочем, конфликт, 1505–1507 гг. выявил недостаточность ресурсов Мангытского юрта для полной победы над Москвой. Именно поэтому цель ногайской политики в Казани добиться контроля за престолом путем брачных союзов и вооруженной защиты интересов своих претендентов.

Вторым важным направлением ногайской внешней политики после краха Большой Орды стала борьба с Крымским ханством за контроль кочевий, расположенных на правом берегу Волги. В 1509 г. ногаи разгромили Менгли-Гирей-хана. В бою погибло два его сына, сам же хан «едва утече». В 1510 г. Менгли совершил ответный удачный поход на ногаев. В 1511 г. Менгли-Гирей-хан был в походе на «Волохи», там он узнал, что «...нагайские Татаре землю всю поплениша, жены и дети побраша». Это известие заставило хана свернуть поход и устремиться в свою землю [11, с. 144–145]. Крымско-ногайские конфликты продолжились и при приемнике Менгли-Гирея. В сен-

тябре 1515 г. от бурхана Азова стало известно о походе Мухаммед-Гирей-хана на ногаев. Ногаи спешно откочевали за Волгу [9, л. 76об.].

В конце 1500-х годов между ногайскими мирзами началась борьба за гегемонию в Ногайской Орде [20, с. 144]. Именно в рамках этой борьбы выкристаллизовалось еще одно направление ногайской внешней политики – борьба за контроль над Хаджи-Тарханом, а точнее за волжскими переправами.

Открытый конфликт начался в 1510 г. между сыновьями мирзы Мусы от разных жен Алчагиром и Шейх-Мухаммедом [20, с. 148–149]. Оба провозгласили себя биями [20, с. 147–149]. Однако, возможности Алчагира сильно превосходили ресурсы его противника. Вокруг него сплотился сильный лагерь ногайской аристократии, ему подчинялся и Башкирия «надежная база материальных и людских ресурсов в борьбе за власть» [20, с. 148]. Первоначально верх одерживал Алчагир, которому удалось вытеснить Шейх-Мухаммеда на правобережье Волги [20, с. 149]. Летом-осенью 1514 г. в ногайский конфликт вмешался хаджитарханский хан Джанибек б. Махмуд. Он послал посла к Алчагир-мирзе, Саид-Ахмед-мирзе, Мамай-мирзе и Кель-Мухаммеду б. Алчагиру. Суть предложений хана сводилась к совместной войне с Шейх-Мухаммедом [9, л. 71об.]. Однако, не дожидаясь ногайских отрядов, Джанибек-хан вместе с Хаджике-султаном, его детьми и Мустофар-султаном обрушились на кочевья Шейх-Мухаммеда и разгромили его. Улус побежденного из 10 000 человек достался победителям. Сам мирза едва спасся бегством с отрядом из 19 человек. Подобный шаг астраханских династов вызвал у Алчагира недовольство. Он потребовал ограбить участников похода, а полученное имущество приказал отдать ногаям. Джанибек-хан проигнорировал предложения Алчагира. Ногаи откочевали на Яик. К ним прикочевал Шейх-Мухаммед и бил челом Алчагиру. Вероятно, Шейх-Мухаммед искал с ним примирения, но вместо этого был схвачен и посажен в сарайчуковскую тюрьму. Столь вероломный поступок возмутил недавнего союзника Алчагира Мамай-мирзу. Мамай с отрядом в 50 батыров напал на стражу и освободил Шейх-Мухаммеда [9, л. 71об.–72]. В то время Хаджике-султан и два сына Мустофар-султана покинули Хаджи-Тархан и ушли кочевать в поле со своими улусами и улусом Шейх-Мухаммеда. Мирза к ним прибился, и все вместе они откочевали в северокавказскую Тюмень. Там в ту пору находился Муртоза-хан б. Ахмед. Он, ссылаясь на свою старость, вместе с тюменскими султанами посадил на ханство Хаджике, а Шейх-Мухаммеда «на княжение» [9, л. 72]. В Тюмени между союзниками произошел конфликт. Один из мустофаровых сыновей был ограблен и изгнан, другой – Муселим пойман. Джанибек-хан вновь призвал ногаев Алчагира на помощь в войне с Хаджике-ханом и Шейх-Мухаммедом [9, л. 72–72об.]. Зимой 1515 г. Алчагир прикочевал к Астрахани и потребовал в плату за поход на Шейх-Мухаммеда ограбить Мустофар-султана и его детей и изгнать их из Хаджи-Тархана. Джанибек вновь проигнорировал требования ногайского династа, что спровоцировало конфликт. Алчагир с братьями двинулся на город. Ногаи стояли под городом день, между сторонами произошел бой, после которого кочевники начали отходить к Яику. Ответная погоня привела к пленению около 300 ногаев [9, л. 72об.].

Параллельно с этим разразилась междусобная борьба в самой орде. Произошло столкновение между Алчагиром и Шейх-Мухаммедом. Алчагир потерпел поражение и с ближайшими сторонниками бежал в Крым. Побежден-

ный бий пытался добиться помощи у Мухаммед-Гирей, но победитель Шейх-Мухаммед успел провести контрмеры. Он заверил хана в своей преданности и предложил нанести по старому врагу Крыма Хаджи-Тархану совместный удар. Алчагир, испугавшись сговора между ханом и Шейх-Мухаммедом, вынужден был бежал [20, с. 153–154].

Ногайская Орда в это время оказалась близка к распаду. Самый мощный удар по самостоятельности орды нанесли с востока казахи. Отношения между Казахским ханством и Ногайской Ордой были сложными. Ногайская Орда номинально входила в правое (западное) крыло Казахского ханства. Сарайчук считался резиденцией казахских ханов Джанибека и Бурундука. Вместе с тем в борьбе за власть в левом крыле Улуса Джучи ногаи поддерживали противников казахов – Шибанидов [20, с. 155]. Казахское ханство образовалось вследствие отложения от державы Абу-л-Хайра [7, с. 247–248, 251, 253]. После гибели Абу-л-Хайра Гирей и Джанибек вернулись в Узбекский улус, захватив власть, часть истребив потомков Абу-л-Хайра подвергнув истреблению, а часть изгнав [1, с. 169; 7, с. 253]. В 1500 г. внук Абу-л-Хайр-хана Мухаммед б. Шах-Будаг захватил Бухару. Предпринял ряд походов и с 1507 г. объединил в своих руках державу Тимуридов [7, с. 254].

Мухаммед Шейбани-хан в ответ на набеги казахов в ответ на набеги казахов объявил им войну [23, с. 63, 64]. В результате похода казахские улусы были разорены, часть знати погибла, а самим казахам пришлось покинуть свои кочевья и начать «бегство» в Кыпчакскую степь [23, с. 103, 119, 120, 123–129, 131, 136–137]. Разгром казахов узбеками Шейбани-хана позволил ногаям игнорировать сюзеренитет казахских ханов [20, с. 155]. Шейбани-хан после разгрома казахов столкнулся с новой угрозой для своей державы – Сефевидским Ираном. В 1510 г. Мухаммед Шейбани-хан в бою под Мервом был разгромлен и убит шахом Исмаилом Сефеви. Узбеки оказались вынуждены сосредоточиться на юге, и начали жесткое сопротивление «неверным» шиитам, входе которого Ильбарс б. Буреке и его брат Бильбарс изгнали даруг шаха Исмаила и основали независимое Хивинское ханство [1, с. 173–178; 7, с. 254].

Отсутствие опасности на восточных рубежах казахской державы позволило казахам перейти к активизации на западном направлении. В июле 1519 г. в Москве от посла в Османской империи Б.Я. Голохвастого стало известно о затруднениях ногаев. Шейх-Мухаммед прислал посла к Мухаммад-Гирей-хану, который сообщил о вытеснении ногаев казахами. Крымский хан проявил озабоченность происшедшим. Он отправил к ногаям своего посла с предложением, если ногаи хотят переправиться на правый берег Волги, «беречися от недругов с одного» [9, л. 124об.]. Ногаи приняли предложение крымского хана и начали эвакуацию со своей стороны Волги. Астраханский хан Джанибек вмешался и перекрыл ногаям переправу. Он потребовал, чтобы ногаи заключили с ним мир и выдали крымского посла. Шейх-Мухаммед пошел на требования астраханцев [9, л. 127об.]. Однако, это их не умиротворило: начались столкновения. Бий Шейх-Мухаммед погиб в сражении, его улусы были захвачены. Ногайская знать бросилась бежать. Так, два ногайских мирзы с женами бежали в Азов [9, л. 130об.–131, 135об.]. Саид-Ахмед-мирза жестоко отомстил астраханцам за их вероломство. Он убил Муззофар-султана и еще семь султанов, вернул захваченные улусы, а так же захватил хаджи-тархановский улус, так, что в результате «только один город остался»

[9, л. 135об.–136]. В.В. Трепавлов полагает, что в результате мести Саид-Ахмеда почти полностью была уничтожена местная большеордынская колония [20, с. 159].

В результате похода казахов в 1519 г. Ногайская Орда перестала существовать. Ногайская знать в основном эмигрировала в Крымское ханство. Во главе ногайской диаспоры в Крыму стал Мамай-мирза [18, с. 300]. Мухаммед-Гирей представлял дело так, будто ногаи стали его подданными. Ряд ногайских мирз, вероятно совершали набеги на казахов из Крыма. Вместе с тем основные людские ресурсы Ногайской Орды достались казахскому хану Касиму, во главе которых он поставил оставшихся ногайских аристократов. Столицу Касим перенес в Сарайчук, где и скончался в 1521 г. После его смерти началась ногайская «реконкиста», закончившаяся изгнанием казахов и их хана Тахира в Моголистан в 1524 г. [20, с. 159–161].

За конец XV – начало XVI вв. Ногайская Орда сумела найти место в системе международных отношений Западного Дешта-и-Кыпчака. Более того, благодаря своим ресурсам, это степное вождество стало заметным элементом этой региональной системы. В это время определились основные геополитические интересы и цели внешней политики Мангытского юрта. К таковым, без сомнения, можно причислить: Среднее Поволжье, правобережье Волги и контроль за Хаджи-Тарханом и волжскими переправами.

Одним из важнейших внешнеполитических партнеров для Ногайской Орды было Московское государство. В целом, за изучаемый период русско-ногайские отношения пережили период становления. Еще в конце XV – начале XVI веков они неустойчивы, в это время имело место несколько перерывов в их ходе. Первый этап (1490–1501 гг.) характеризовался внутренним ногайским противостоянием между Мусой и Ямгурчи с последующей откоевкой первого в «Туркмению» и усиления конфронтации второго с Москвой за влияние на Казанское ханство. В 1496 г. при поддержке части казанской знати Ямгурчи удалось возвести на казанский престол сибирского султана Мамука, но его правление оказалось не долгим. Провал политики Ямгурчи привел к возобновлению дружественных контактов ногаев с Москвой. Однако, окончательное примирение произошло в 1501 г., когда ногаи отказались от борьбы с Московским государством за Казань. Итогом переговоров 1501 г. стало шертование ногайской знати перед великим князем Иваном III.

С начала XVI в. русско-ногайские дипломатические контакты характеризовались эпизодичностью. Ногайская Орда поддержала антимосковский переворот в Казани в 1505 г. Впрочем, ногайско-казанский союз не оказался долгим. После поражения под Нижним Новгородом он, по сути, распался. Русская дипломатия старалась изолировать Казань от Ногайской Орды, призывая ногайскую знать не поддерживать казанцев в их борьбе с Русским государством. Ногайские аристократы в свою очередь предлагали свое посредничество в деле примирения Москвы и Казани. В 1508 г. московские власти попытались привлечь ногаев к участию в войне с Великим княжеством Литовским. Однако, междоусобица в Ногайской Орде и казахское нашествие сорвали эти планы. После этого русско-ногайские связи прекратились. Главным вопросом русско-ногайских отношений стал «казанский». Сами они оказались вызваны протестом ногайской аристократии против смещения с престола в 1487 г. Али-хана и возведения на трон Мухаммад-Эмин. Муса-мирза

напротив проявил склонность к союзу с Москвой, ввиду брачных отношений с московским ставленником Мухаммед-Эмином. Ямгурчи оказался последовательным противником московской политики в Казани до тех пор пока в 1502 г. Мухаммед-Эмин не женился в Москве на его дочери Каракуш (вдове Али-хана). Выступление Мухаммед-Эмина против Московского государства в 1505 г. ногаи активно поддержали. После возобновления русско-ногайских отношений в 1522/23 г. причиной охлаждения вновь послужили разногласия по «казанскому» вопросу. Противником Москвы выступил Мамай-мирза, зять казанского хана Сафа-Гирея, против которого выступили московские политики. Таким образом, определяющим фактором в казанской политике Ногайской Орды являлись брачные отношения представителей ногайской аристократии с казанскими ханами.

Существенным моментом в становлении западнодештской региональной системы международных отношений была борьба с Большой Ордой. Именно она оказалась важнейшим фактором, цементирующим союзы в регионе и обеспечивающим их жизнеспособность. Однако, учитывая, что интересы Ногайской Орды – этого нового игрока – не всегда учитывались, то сохранялась возможность изменений конфигураций коалиций. Такая попытка была предпринята мирзой Мусой в 1493 г., но, натолкнувшись на сопротивление, оказалась безуспешной.

Заметно большую роль в ногайских претензиях сыграла опора на Сибирский юрт. Используя сибирских Чингизидов, ногаи сумели придать легитимный характер своим притязаниям на Казанское ханство. Особенно успешными стали события 1496 г., впрочем, эти же события показали недостаточность ресурсов Ногайской Орды для борьбы с Русским государством и в конце концов привели к ограничению ногайской политики интересами брачной дипломатии.

Следующей большой задачей для Ногайской Орды стало стремление контролировать кочевья по правому берегу Волги. Именно за обладание ими началась борьба ногаев с Крымским ханством, которая обрела долговременный характер. Впрочем, для изучаемого времени крымско-ногайского противостояние ещё не стало глубоким и необратимым. Эта борьба поставила перед ногаями ещё один вопрос: для действенного контроля за волжским правобережьем было необходимо обладать волжскими перевозами, а следовательно и Хаджи-Тарханом. Такая логика событий должна была привести к новой большой войне в Западном Деште, в которой одну из ведущих ролей предстояло бы сыграть Ногайской Орде, но казахское вторжение резко изменило расстановку сил и сменило вектор международных отношений, в которых главную роль стало играть противостояние Русского государства и Крымского ханства. Смерть же хана Касима в 1521 г. и начавшееся изгнание казахов ногаями, вернули Ногайскую Орду в водоворот международных отношений, в котором Мангытский юрт вновь был вынужден искать свое место.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абуль-Гази*. Родословное древо тюрков / Пер. Саблуков Г.С. Казань, 1906. 352с.
2. *Алишев С.Х.* Казань и Москва: межгосударственные отношения в XV–XVI вв. Казань, 1995. 160 с.
3. *Базилевич К.В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М.: «Территория», 2001. 544 с.
4. *Григорьев А.П.* Шибаниды на золотоордынском престоле // УЗ ЛГУ. № 417. Сер. Востоковед. Наук. Вып. 27. Востоковедение. Вып. 11: Филологические исследования. Л., 1985. С. 160–182.
5. *Зайцев И.В.* Шейх-Ахмад – последний хан Золотой Орды (Орда, Крымское ханство, Османская империя и польско-Литовское государство в начале XVI в.) // От Стамбула до Москвы. Сборник статей честь 100-летия профессора А.Ф. Миллера. М.: «Муравей», 2003. С. 31–52.
6. *Зайцев И.В.* Астраханское ханство. М.: «Восточная литература» РАН, 2004. 303 с.
- 6а. Казанская история // Библиотека литературы Древней Руси. Т.10. СПб., 2004.
7. *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье. СПб.: «Петербургское востоковедение», 2004. 368 с.
8. *Маслюженко Д.Н.* Этнополитическая история лесостепного Притоболья в средние века. Курган, 2008. 168 с.
9. Российский государственный архив древних актов. Ф.89. Сношения России с Турцией. Оп. 1. Кн. 1.
10. ПСРЛ. Т. 12. М.: «Языки русской культуры», 2000. 272 с.
11. ПСРЛ. Т. 40. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2003.
12. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489–1508 гг. М., 1984. 99 с.
13. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489–1549 гг. Махачкала, 1995. 356 с.
14. Разрядная книга 1475–1598 гг. / Подг. текста, ввод. статья и ред. В.И. Буганова. М., 1966. 614 с.
15. Сборники императорского русского исторического общества. СПб., 1884. Т. 41.
16. *Сикалиев А.И.-М.* Ногайский героический эпос. Черкесск, 1994. 328 с.
17. *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 3. Т. 5–6. М.: «Мысль», 1989. 783 с.
18. *Тихомиров М.Н.* Из «Владимирского летописца» // Исторические записки. Т. 15. М., 1945.
19. *Трепавлов В.В.* Сибирско-ногайские отношения в XV–XVII вв. (основные этапы и закономерности) // Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность. Кн. 2. М.–Иркутск–Тэгу, 1997. С. 180–186.
20. *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. М.: «Восточная литература» РАН, 2002. 752 с.
21. *Трепавлов В.В.* Большая Орда – Тахт эли. Очерк истории. Тула, 2010. 112 с.
22. *Худяков М.Г.* Очерки по истории Казанского ханства / На стыке континентов и цивилизаций... Из опыта образования и распада империй X–XVI вв. М., 1996.
23. *Фазлаллах ибн Рузбихан Исфакхани.* Михман-наме-ий Бухара (Записки бухарского гостя) / Пер. с перс., предисл., примеч., Р.П. Джалиловой. М.: «Восточная литература», 1976.
24. *Martin J.* The Tiumen' Khanate's Encounters with Muscovy: 1481–1505 // *Passes turco-tatare, présent soviétique: Etudes offertes à Alexandre Bennigsen.* Publ. par Ch. Lemerrier-Quellejey, G. Veinsein, S.E. Wimbush. Louvain; Paris., 1986. P. 79–87.

Сведения об авторе: Максим Владимирович Моисеев – кандидат исторических наук, заведующий сектором научно-просветительской работы ГБУК г. Москвы «Музейное объединение «Музей Москвы» (119021, Зубовский бул., 2, Москва, Российская Федерация). E-mail: maksi-moiseev@yandex.ru

Поступила 15.04.2016 г.

Принята к публикации 12.06.2016 г.

THE NOGAY HORDE IN THE SYSTEM OF INTERNATIONAL RELATIONS AT THE TURN OF THE 15TH–16TH CENTURIES

M.V. Moiseev

Museum of Moscow

Moscow 119021, Russian Federation

E-mail: maksi-moiseev@yandex.ru

The article is devoted to the study of foreign policy of the Nogai Horde as well as to its attempts to join the system of international relations of the Western Desht. The author identified the main geopolitical interests of the Manghyt Yurt. Struggle against the Great Horde was a significant factor in the formation of international relations of the Western Desht. It turned out to be the most important factor that both cemented political alliances in the region and ensured their viability. However, we should point out the possibility of coalition configurations' changing, bearing in mind that the interests of the Nogai Horde, that is of a new player, were not always taken into account. In 1493, such an attempt was undertaken by Mirza Musa, but since he had encountered resistance, this attempt was unsuccessful.

Reliance on the Siberian Yurt played a much larger role for the Nogai claims. Using the Siberian Chinggisids, the Nogais managed to legitimize their claims to the Kazan khanate. Particularly successful were the events in 1496. However, these events had shown the lack of resources of the Nogai Horde to fight with the Russian government and eventually led to the restriction of the Nogai policy interests by the marriage diplomacy. The Nogai-Crimean confrontation and struggle for control over the Volga crossings determined the nature of international relations in the Western Desht and became a major geopolitical factor in the region after the defeat of the Great Horde. However, for the turn of the 15th–16th centuries the Crimean-Nogai confrontation had not yet become irreversible. In this struggle a new challenge faced the Nogais: they had to take hold of the Volga transports and Haji-Tarkhan for effective control over the right bank of the Volga. This logic of events would lead to a new great war in the Western Desht, in which the Nogai Horde was to play a leading role. However the Kazakh invasion dramatically altered the balance of power and changed the vector of international relations, in which the confrontation of the Russian State and the Crimean Khanate began to play a major role. In turn, khan Qasim died in 1521 and the Nogais began to expel the Kazakhs. This led to the fact that the Nogai Horde returned into the vortex of international relations, where the Manghyt Yurt was again forced to find its place.

Keywords: Nogai Hord, regional system of international relations, Kazan khanate, Crimean khanate, Great Horde, Russian state.

For citation: Moiseev M.V. The Nogay Horde in the System of International Relations at the turn of the 15th–16th centuries. *Golden Horde Review*. 2016. Vol. 4, no. 2, pp. 369–384.

REFERENCES

1. Abul'-Gazi. *Rodoslovnnoe drevo tyurkov* [Genealogical Tree of the Turks]. Per. Sablukov G.S. Kazan, 1906. 352 p. (In Russian)
2. Alishev S.Kh. *Kazan' i Moskva: mezhgosudarstvennyye otnosheniya v XV–XVI vv.* [Kazan and Moscow: Inter-State Relations in the 15th–16th centuries]. Kazan, 1995. 160 p. (In Russian)
3. Bazilevich K.V. *Vneshnyaya politika Russkogo tsentralizovannogo gosudarstva. Vtoraya polovina XV veka* [Foreign Policy of the Russian Centralized State. The second half of the 15th century]. Moscow, Territoriya, 2001. 544 p. (In Russian)
4. Grigor'ev A.P. Shibanidy na zolotoordynskom prestole [The Shibanids on the Golden Horde Throne]. *Uchenye zapiski Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific Notes of the Leningrad State University]. № 417. Ser. Vostokoved. Nauk. Is. 27. Vostokovedenie. Is. 11: Filologicheskie issledovaniya. Leningrad, 1985, pp. 160–182. (In Russian)
5. Zaytsev I.V. Sheykh-Akhmad – posledniy khan Zolotoy Ordy (Orda, Krymskoe khanstvo, Osmanskaya imperiya i pol'sko-Litovskoe gosudarstvo v nachale XVI v.) [Sheikh Ahmad: The Last Khan of the Golden Horde (the Horde, the Crimean Khanate, the Ottoman Empire and the Polish-Lithuanian Commonwealth in the early 16th century)]. *Ot Stambula do Moskvy. Sbornik statey chest' 100-letiya professora A.F. Millera* [From Istanbul to Moscow. Collection of articles in honor of the 100th anniversary of Professor A.F. Miller]. Moscow, Muravey, 2003, pp. 31–52. (In Russian)
6. Zaytsev I.V. *Astrakhanskoe khanstvo* [The Astrakhan Khanate]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2004. 303 p. (In Russian)
- 6a. Kazanskaya istoriya [Kazan History]. *Biblioteka literatury Drevney Rusi*. T.10. [Library Literature of Ancient Rus'. Vol.10]. St. Petersburg, 2004. (In Russian)
7. Klyashornyy S.G., Sultanov T.I. *Gosudarstva i narody evraziyskikh stepey. Drevnost' i srednevekov'e* [States and Peoples of the Eurasian Steppe. Antiquity and the Middle Ages]. St. Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 2004. 368 p. (In Russian)
8. Maslyuzhenko D.N. *Etnopoliticheskaya istoriya lesostepnogo Pritobol'ya v srednie veka* [Ethnopolitical History of the Forest-Steppe Zone of the Tobol Region in the Middle Ages]. Kurgan, 2008. 168 p. (In Russian)
9. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov*. F.89. *Snosheniya Rossii s Turtsiyei* [Russian State Archive of Ancient Acts. Fund 89. Russian Relations with Turkey]. Op. 1. Kn. 1. (In Russian)
10. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 12. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 2000. 272 p. (In Russian)
11. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 40. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2003. (In Russian)
12. *Posol'skie knigi po svyazyam Rossii s Nogayskoy Ordoy 1489–1508 gg.* [Ambassadorial Books on Relations between Russia and the Nogai Horde in 1489–1508]. Moscow, 1984. 99 p. (In Russian)
13. *Posol'skie knigi po svyazyam Rossii s Nogayskoy Ordoy 1489–1549 gg.* [Ambassadorial Books on Relations between Russia and the Nogai Horde in 1489–1549]. Makhachkala, 1995. 356 p. (In Russian)
14. *Razryadnaya kniga 1475–1598 gg.* [The Book of Raks for 1475–1598]. Podg. teksta, vvod. stat'ya i red. V.I. Buganova. Moscow, 1966. 614 p. (In Russian)

15. *Sborniki imperatorskogo russkogo istoricheskogo obshchestva* [Collections of the Imperial Russian Historical Society]. St. Petersburg, 1884. Vol. 41. (In Russian)
16. Sikaliev A.I.-M. *Nogayskiy geroicheskiy epos* [Nogai Heroic Epics]. Cherkessk, 1994. 328 p. (In Russian)
17. Solov'ev S.M. *Sochineniya* [Writings]. Kn. 3. Vol. 5–6. Moscow, Mysl' Publ., 1989. 783 p. (In Russian)
18. Tikhomirov M.N. Iz «Vladimirskogo letopistsa» [From “Vladimir Chronicler”]. *Istoricheskie zapiski* [Historical Notes]. Vol. 15. Moscow, 1945. (In Russian)
19. Trepavlov V.V. Sibirsko-nogayskie otnosheniya v XV–XVII vv. (osnovnye etapy i zakonomernosti) [Siberian-Nogai Relations in the 15th–17th centuries (main stages and regularities)]. *Vzaimootnosheniya narodov Rossii, Sibiri i stran Vostoka: istoriya i sovremennost'* [Relations between the Peoples of Russia, Siberia and Eastern Countries: Past and Present]. Kn. 2. Moscow, Irkutsk, Tegu, 1997, pp. 180–186. (In Russian)
20. Trepavlov V.V. *Istoriya Nogayskoy Ordy* [History of the Nogai Horde]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2002. 752 p. (In Russian)
21. Trepavlov V.V. *Bol'shaya Orda – Takht eli. Ocherk istorii* [The Great Horde – Takht eli. An Essay on the History]. Tula, 2010. 112 p. (In Russian)
22. Khudyakov M.G. Ocherki po istorii Kazanskogo khanstva [Essays on the History of the Kazan Khanate]. *Na styke kontinentov i tsivilizatsiy... Iz opyta obrazovaniya i raspada imperiy X–XVI vv.* [At the Crossroads of Continents and Civilizations ... From Experience of Formation and Disintegration of Empires of the 10th–16th centuries]. Moscow, 1996. (In Russian)
23. Fazlallakh ibn Ruzbikhani Isfakhani. *Mikhman-name-iy Bukhara (Zapiski bukharskogo gostya)* [Mikhman-name-ii-Bukhara (notes of Bukhara guest)]. Per. s pers., predisl., primech., R.P. Dzhililovoy. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1976. (In Russian)
24. Martin J. The Tiumen' Khanate's Encounters with Muscovy: 1481–1505. *Passe turco-tatare, présent soviétique: Etudes offertes à Alexandre Bennigsen*. Publ. par Ch. Lemerrier-Quelquejay, G. Veinsein, S.E. Wimbush. Louvain; Paris, 1986, pp. 79–87.

About the author: Maksim V. Moiseev – Cand. Sci. (History), Head of sector of the Moscow city museum, Museum of Archaeology of Moscow (2, Zubovskiy av., Moscow 119021, Russian Federation). E-mail: maksim-moiseev@yandex.ru

Received April 15, 2016

Accepted for publication June 12, 2016